

В. П. Берков

НОВЫЙ ЭТАП В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКОВОМ ДВИЖЕНИИ

В начале лета 1981 г. стуртинг обсудил и одобрил "Изменения орфографии и нормы для учебников букмола".¹ Министерство по делам церкви и народного образования Норвегии приняло решение, что утвержденные изменения будут отражены в орфографических словарях и учебниках, а учащиеся получат возможность пользоваться этими новыми формами.

Значение "Изменений" в регламентировании нормы норвежского языка, в общем, не меньше значения орфографических реформ 1917 и 1938 гг., и потому они заслуживают внимательного рассмотрения и оценки. Однако прежде чем перейти к их характеристике, следует сделать некоторые пояснения. "Орфографические" реформы в Норвегии — это, по существу, реформы языка, а отнюдь не просто реформы правописания (действительно орфографической в основном была лишь реформа 1907 г.); они определяют фонетический состав слова и его морфологические характеристики. Так, например, реформа 1938 г. в качестве единственно допустимых ввела формы *haik* (ранее *høk*) "ястреб", *gras* (ранее *græs*) "трава", *bru* (ранее *brø*) "мост", сделала артикль женского рода обязательным для 910 существительных и др. Далее следует пояснить, что означают термины "орфография" и "норма для учебников". Под "орфографией" авторы реформы понимают совокупность написаний и форм, которые учащимся школы разрешено употреблять в письменных работах, под "нормой для учебников" — совокупность тех написаний и форм (из числа определяемых "орфографией"), которые допускаются к употреблению в школьных учебниках, требующих одобрения министерства по делам церкви и народного образования. Таким образом, "Изменения" (как, кстати, и "Новая норма для учебников" 1969 г.²) направлены в первую очередь на речевую практику учащихся. Регламентируя речь

молодого поколения, реформаторы языка надеются предопределить дальнейшее развитие языка; как показал многолетний опыт, воздействовать на речевую практику взрослого населения, в общем, невозможно: индивид следует предписываемой норме лишь в тех ситуациях, когда вынужден делать это *ex officio* (например, государственный или муниципальный служащий, составляющий официальный документ), но в подавляющем большинстве случаев пишет (и тем более говорит) так, как находит нужным.

Основные моменты "Изменений" 1981 г. таковы:

(1) Внесены изменения в написание приблизительно 150 слов, в частности: а) восстановлены в качестве параллельных и равноправных³ некоторые упраздненные ранее (но тем не менее очень широко употреблявшиеся) "традиционные" формы. Теперь, например, в равной мере допустимы формы *frem/fram* "вперед", *krave/krage* "воротник", *gavn/gavn* "ворон", *syd/sér* "юг" и др. (до "Изменений" - только *fram*, *krage*, *gavn*, *sér* и др.); б) упразднен ряд допускавшихся ранее параллельных форм (в качестве "основных" или "альтернативных"), например, "радикальные" *dálje* "скрывать", *sal* "продажа" и "традиционные" *flyve* "летать", *lynde* "нрав" - теперь возможны только формы *dálge*, *salg*, *flyge*, *lynde*; главное же в этом разделе: ряд "традиционных" форм, которые имели статус альтернативных, переведен в разряд равноправных и допущен, таким образом, в учебники, например: *bein/ben* "нога", *dogg/dugg* "роса", *golv/gulv* "пол", *gras/grass* "трава", *ljuge/lyge/lyve* "лгать", *mjál/mel* "мука", *vein/ven* "поздний", *trétt/trett* "усталый" и др. (на втором месте в каждой паре указывается бывшая альтернативная, ныне вторая основная форма).

(2) До "Изменений" ряд существительных среднего рода имел во множественном числе обязательно артикль -a; теперь же все существительные среднего рода (около 500) во множественном числе имеют определенный артикль -a/-ene - как в "орфографии"; так и в "норме для учебников", лишь 9 существительных в последнем использовании употребляются с артиклем -a, например: *barn* "ребенок", *kréttir* "скотина". Характерно, однако, что 6 слов из этих 9 имеют параллельные "традиционные" варианты, с которыми используется и артикль -ene.

(3) Если ранее сотни существительных женского рода согласно официальной норме употреблялись только с определенным артиклем -а (т.е. специфическим артиклем женского рода), то теперь все существительные женского рода (примерно 1100) могут использоваться в "правописании" с определенным артиклем -а или -en (т.е. с артиклем мужского, точнее общего рода); в "норме для учебников" единственная форма артикля -а остается обязательной примерно для 650 слов (либо разговорных, либо "радикальных" форм, для которых имеются "традиционные" варианты, либо слов "специфически норвежских", т.е. не имеющих в датском - и следовательно не имевших в "датско-норвежском" - этимологически соответствующих лексем). Ряд существительных женского рода, однако, в переносном значении может употребляться с артиклем -en; напротив, в некоторых устойчивых разговорных оборотах (типа komme i bakkeа "отстать; потерять значение", la humla vise "загулять, предаться веселью") специфический артикль ж.р. -а обязателен. В отношении использования специфического неопределенного артикля при существительных женского рода (ei bok/en bok "книга") предоставляется полная свобода выбора.

(4) Расширена свобода выбора в отношении к тому или иному классу примерно 240 слабых глаголов. Например, если ранее глагол bale "прокладывать путь" имел показатели претерита и причастия II -а/-а и -te/-t (т.е. формы бала/bala и bante/ /bant), то теперь его разрешено употреблять и с показателем -et /-et (banet/banet); глагол enae "замечать" согласно "Изменениям" может употребляться в формах anate/enst, enset/enset и enva/enva (ранее допускался только первый тип) и т.д. Напротив, у некоторых глаголов альтернативность временных суффиксов ограничена, в частности "отменены" показатели -te/-t или -de/-d ср. ранее lukket/lukket, lukka/lukka, lukte/lukt, теперь допустимы только первые два типа.

(5) У существительных женского рода с определенным артиклем допускается в родительном падеже использование форм мужского (общего) рода, даже если в основном падеже используется специфический артикль женского рода. Так, в одном и том же тексте можно употребить формы boka "книга" и bokena, хотя допустима и форма bokav.⁴

Суть "Изменений орфографии и нормы для учебников букмола" 1981 г. можно определить следующим образом. В общем сохранены в подавляющем большинстве все "радикальные" формы (фонетические, морфологические), введенные орфографической реформой 1938 г. Однако статус их резко изменился: из категории обязательных они перешли в категорию факультативных. Вместе с тем огромное количество "традиционных" фонетических и морфологических вариантов, полностью "объявленных вне закона" реформой 1938 г. и частично "реабилитированных" нормой для учебников 1959 г., теперь целиком легализовано. Таким образом, в равной мере легализованы все варианты - от "традиционного" рикмола (в понимании этого термина противниками "радикализованного" букмола) до самого "радикального" букмола, разумеется, со всеми промежуточными ступенями. Например, оставаясь в рамках "Изменений", можно построить следующие предложения (на первом месте мы приводим "традиционный" вариант, на втором - "радикальный"): broen ble bygget "мост был построен" и brua ble/blei/vart bygd; tiltakene ble drøftet "меры были обсуждены" и tiltaka ble/blei/vart drøfta; trærne i haven var høye og lave "деревья в саду были высокие и низкие" и trea i hagen var høge og låge; en gammel dame har mistet sin veske "(одна) старая женщина потеряла свою сумочку" и ei gammel dame har mista veska si и т.п.

Следует обратить внимание на один существенный момент. В тексте "Изменений" не затронут вопрос о необходимости быть последовательным при выборе тех или иных вариантов. Сами варианты также не охарактеризованы с точки зрения их "радикальности"/"традиционности". Поэтому нынешняя официальная норма, определяемая "Изменениями", с одной стороны, закрепляет разноречивой в масштабах страны, полностью уравнивая в правах весь спектр вариантов, начиная от крайне "радикального" и кончая весьма "традиционным", с другой стороны - объективно не препятствует разноречивой и непоследовательности в речи индивида, поскольку предоставляет индивиду полную свободу в отборе конкретных языковых форм; последнее особенно касается "орфографии" и в несколько меньшей степени "нормы для учебников". Между тем степень "радикальности"/"традиционности" разных форм

весьма различна, даже в пределах одного разряда. Так, например, из разнообразных фонетических вариантов, приводимых в разделе (I), krage "воротник", reir "гнездо" и sér "лг" — менее "радикальны", чем приводимые в том же списке варианты ovr "осина", kjelde "источник" и middelmåtig "посредственный"; среди "традиционных" форм, перечисляемых в конце этого раздела в качестве допущенных теперь в "норму для учебников", есть более "традиционные", например, have "живот", hugg "(рубящий) удар" и менее "традиционные", с нашей точки зрения, скорее нейтральные, например, mel "мука", golv "пол", megle "посредничать", steke "жарить". "Изменения" допускают, правда только в "орфографии", "консервативную" форму barnene "дети" (с определенным артиклем), которая, на наш взгляд, вообще не употребляется: безраздельно господствует форма barna (некогда "радикальная"). "Изменения" не отражают того факта, что степень "радикальности" морфологического оформления слова коррелирована со степенью "радикальности" его фонетического облика, например, "радикальный" вариант bru "мост" естественно оформится с определенным артиклем женского рода (brua), а "традиционный" вариант bro — с артиклем мужского (общего) рода (broen). Аналогичная корреляция существует и между морфологическим оформлением и степенью литературности слова: разговорное существительное bikkje "собака, пес" едва ли употребляется кем-либо с артиклем мужского (общего) рода,⁵ а сравнительно книжное существительное kvinne "женщина", потенциально относящееся, естественно, к женскому грамматическому роду, видимо, лишь очень редко оформляется специфическим артиклем женского рода: нам встречалась почти исключительно форма kvinnen. Все только что приведенные примеры — достаточно тривиальные иллюстрации к хорошо известным стилистическим правилам. "Изменения", однако, в ряде случаев фактически позволяют нарушать эти правила. Так, в "орфографии" (правда, не в "норме для учебников") допускаются, в частности, формы bikkjen, bruen, bygden "селение", eiken "дуб" (естественно: eika/eken), høgden "высота" (обычно: høgda/høydene). Даже в бесспорных случаях "Изменения" ограничиваются рекомендациями вместо прямых предписаний. Так, констатируя свободу в выборе артиклей мужского или женского

рода при отглагольных существительных на -ing, они "советуют" использовать артикль женского рода при "некоторых из них", приводя примеры сугубо "радикальных" форм - auking "увеличение", frebuing "подготовка", utbreiing "распространение", которые едва ли можно вообще употребить с артиклем мужского (общего) рода. Составленные нами примеры вариаций в рамках "Изменений" (см. выше), конечно, не единственные, например, возможны варианты broen ble bygd, tiltaka ble drftet, trerne i hagen var hye og lave и т.д.; в принципе не противоречат "Изменениям" и совершенно, с нашей точки зрения, недопустимые стилистически предложения вроде tiltakene ble drfta(?), trea i haven var hge og lge (?) и т.п.

Официальная норма, действовавшая до "Изменений" 1981 г., в общем, не соответствовала реальной речевой практике образованных слоев населения и потому была мало реалистична. Разумеется, она соблюдалась не только в школе и официальных инстанциях, но и известным числом лиц, впрочем, насколько мы можем судить, небольшим (например, рядом молодых лингвистов). Вместе с тем ей были присущи известная системность и последовательность. Нынешняя форма с ее фактической "вседозволенностью" этих свойств лишена.

На первый взгляд может показаться, что норма "Изменений" возвращает нас к ситуации 2-й орфографической реформы 1917 г. (если отвлечься от ее чисто орфографических моментов - введения двойных согласных, замены в большинстве случаев *ae* на *e* и т.д.). На самом деле это не совсем так. Многие из того, за что ратовали нормализаторы во втором десятилетии нашего века, в большей или меньшей степени вошло в речь довольно значительной части образованных слоев населения. Так, немало форм, ранее воспринимавшихся как "радикальные", фактически стало нейтральными, например *stein* "камень", *y* "остров", *mage* "живот", *ben* "ноги (с артиклем)", *veide* "взвешивал", тогда как ранее нейтральные - *sten*, **, *mave*, *benene*, *veiet* - воспринимаются многими как "традиционные", "консервативные". Но неясно, результат ли это спонтанного развития языка, обусловленного изменениями в структуре общества, либо же плоды деятельности нормализаторов.⁶ В то же время значительное число форм, широко

употребительных в речи образованных слоев населения, но с 1938 г., когда была осуществлена 3-я орфографическая реформа, фактически "незаконных", теперь "восстановлено в правах".

Авторы "Изменений" наконец-то трезво оценили языковую действительность. Несколько десятилетий реально сложившаяся норма — речевая практика образованных слоев Восточной Норвегии (*standardøstnorsk*) — как бы не замечалась,⁷ легализовалось не то, что есть, а то, что, по мнению нормализаторов, должно быть. (Почему реформа не принесла желаемых результатов, вопрос особый⁸.) Теперь эта норма получила официальный статус. Характерно, что "радикализация" нормы, осуществлявшаяся под флагом демократизации языка, т.е. приближения нормы к разговорной речи, по сути дела была в значительной мере явлением антидемократическим, так как находилась в противоречии с языковой практикой основной массы регулярно публикующихся, официально выступающих и т.д.

Эволюция нормы в Норвегии за последние десятилетия внешне напоминает три ступени гегелевской триады. Если положение до реформы 1938 г. принять за тезис, положение между 1938 и 1981 гг. — за антитезис, то ситуацию после 1981 г. соблазнительно считать синтезом. Однако "синтез" этот своеобразный: он является не качественно новой ступенью, в которой "сняты противоречия", "отрицается отрицание", а механическим соединением весьма разнородных элементов.

По всей видимости, нормализаторы 1981 г. стремились сделать норму более реалистичной и тем самым повысить ее престиж. Представляется, что особого престижа эта новая норма иметь не будет. Собственно говоря, "Изменения" и нельзя назвать "нормой" в привычном смысле этого слова. Они не регламентируют, не упорядочивают употребление индивидом языковых форм, а фактически легализуют разноречие. В самом деле, закрепляя, например, вариантность оформления около 500 существительных среднего рода, около 1100 существительных женского рода (эти цифры надо увеличить в несколько раз — с учетом сложных существительных с этичными элементами в качестве последних, ср. *tak* "крыша" и *blikktak* "железная крыша", *torvtak* "крыша из дерна", *stråtak* "соломенная крыша" и т.д.), а также 240 слабых

глаголов (в последнем случае для многих единиц допускаются по 3, а иногда и 4 варианта), полностью предоставляя индивиду право самому отбирать и комбинировать эти формы, "Изменения" 1981 г., по сути дела, — свидетельство того, что единой нормы у букмола нет.

Едва ли принесут "Изменения" 1981 г. Норвегии и "языковой мир". Стихийно сложившаяся реальная норма, которой является *standardøstnorsk*, получила лишь частичное признание, и ее многочисленные сторонники, видимо, не удовлетворятся этим положением. Сторонники же "радикализации" языка имеют основания расценить "Изменения" как капитуляцию, отказ от твердого курса. Нормализаторы, отказавшись от жесткого "языкового планирования", решили, видимо, предоставить процесс выработки нормы естественному, стихийному ходу событий.

Бесспорно, что дальнейшее развитие норвежского языка будет сложным процессом. Ведь другая официальная форма литературного языка "новононвежский", хотя число пользующихся ею сравнительно невелико,⁹ является важным фактором языковой ситуации в Норвегии. Слияние букмола и "новононвежского" в близком будущем представляется нереальным. Маловероятно и появление более или менее четкой нормы у букмола. Причины тому несколько, остановимся на главных. Любая языковая норма, коль скоро она отвергает часть форм, используемых членами языкового коллектива, не может быть в равной мере демократичной для всех, т.е. чтобы соблюдать ее, часть индивидов должна отказаться от ряда своих речевых навыков. В нынешней же Норвегии, после "Изменений" 1981 г., как мы пытались показать, установлена некая "демократия" для всех говорящих, поскольку огромное число вариантов получило официальный статус. Теперь любое ограничение этого числа, любое сужение вариативности неизбежно будет восприниматься как антидемократическая акция, как ущемление уже существующих прав части населения. Немаловажно, что при всех, порой значительных, отклонениях имеется известная корреляция между классовой принадлежностью индивида и степенью "радикальности"/"традиционности" его языка: речь трудящихся в целом более "радикальна", чем речь капиталистов, а речь тех, кто регулярно выступает в печати, публикуется и т.д., прежде всего интеллигенции, в общем, более "традицион-

на". Словом, любое изменение нынешнего *status quo* несомненно вызовет резкие протесты достаточно широких слоев норвежцев. Когда в стране норма складывается до демократизации общества, на значительно более ранних этапах его развития (как, например, это было в Дании и Швеции), она принимается теми слоями населения, речевой практика которых она противоречит, как уже данная реальность, с которой необходимо считаться. Иное дело, когда у индивида отнимают право следовать своим языковым привычкам — право, которое он уже имеет. Немаловажным моментом, далее, является и то, что для очень многих антиномия "радикальная" форма — "традиционная" форма — это вопрос не "что правильнее вообще", а "в какой речевой ситуации уместнее та или иная форма". Таким образом, если для одних "радикальная" форма — нейтральный способ выражения, то для других это стилистическое средство, необходимый элемент разговорного стиля.

Вместе с тем очевидно, что та уникальная языковая ситуация, которая сложилась в Норвегии — наличие двух официально равноправных форм литературного языка, одна из которых теперь фактически лишилась сколько-нибудь четкой нормы, весьма неблагоприятна. Нормализаторы оказались в положении "учеников чародея", которые, вызвав некие процессы, не смогли предвидеть последствий и предотвратить их. Норвежскому обществу предстоит долгий и болезненный путь к языковому единству.

П р и м е ч а н и я

¹ *Utdrag fra Samling Nr.100 (1980-1981) Endringer i rettskrivning og læreboknormal for bokmål. S.1., v.v.*

² *Ny læreboknormal 1959. Oslo, 1959; Krogsrud T. og Seip D.A. Norsk rettskrivningslære etter "Ny læreboknormal 1959". 15. utg. Oslo, 1959.*

³ Правила норвежской орфографии различают следующие формы слов: а) единственную (*eneform*); б) основную (*hovedform*) — тот из вариантов написания, который может использоваться в школьных учебниках; в) равноправные (*jamstilte former*) — когда оба варианта являются основными; г) альтернативную (*sideform*), которую нельзя использовать в учебниках.

⁴ Ряд стилистов признает неудачными формы родительного падежа существительных женского рода с определенным артиклем, поскольку граммема "родительный падеж" характерна в первую

очередь для книжного стиля, а графема "женский род" - для разговорной речи.

⁵ Даже весьма консервативный словарь "Riksmålsordboken" (Redaksjon: Tor Guttu e.s. Oslo, 1977) указывает для этого слова только форму с артиклем женского рода.

⁶ Vinje F.-E. Språksituasjonen i Norge. - In: De nordiske språkenees framtid. Lund, 1977, s.34.

⁷ Эта норма отражена в ряде работ, не имеющих официальной силы, например: R i k m å l s o r d b o k e n / Redaksjon: André Bjerke. Oslo, 1963; Riksmålsordboken (см. примечание 5); S o w a r d G. Kortfattet riksmålsgrammatikk. Oslo, 1958, и конечно, в обширном словаре: N o r s k riksmålsordbok. Bd. 1-2. Oslo, 1937-1957. К сожалению, эти работы не вполне адекватно отражают реальную речевую практику, ориентируясь на "консервативный риксмол".

⁸ Берков В.П. Языковое положение в Норвегии. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос) /Отв. ред. Н.И.Толстой. Л., 1983, с. 61-65.

⁹ Единственные регулярно публикуемые данные о роли "новонорвежского" - сведения о количестве учащихся с "основным" языком обучения в 9-летней школе. После длительного снижения число учеников, у которых "новонорвежский" является основным, стабилизировалось к середине 70-х годов, составив в 1976 г. 16,5%, в 1977 - 1980 гг. - 16,4%, в 1981 г. - 16,5% (S t a t i s t i s k a r b o k 1982. Oslo, Kongsvinger, 1982, s.372).

V.P.Berkov

Ny etappe i norsk språknormeringspolitikk

I artikkelen analyseres situasjonen i Norge etter godkjenningen av "Endringen i rettskrivning og læreboknormal for bokmål" av 1981. Mens den offisielle normen før 1981 var trass i sin lite realistiske karakter til en viss grad systematisk og konsekvent, mangler den nye normen (hvis den i det hele tatt kan kalles for norm) disse egenskapene idet den legaliserer et vrissel av alternative former og i grunnen elår fast at bokmålet ikke har noen enhetlig norm. Den vil neppe bringe landet språkfred: på den ene side har standardgsnorsk bare delvis fått anerkjennelse, på den andre har tilhengere av radikal norsk grunn til å betrakte "Endringene-81" som kapitulasjon, som oppgivelse av den tidligere nokså styg kurs. Norskens videre utvikling kommer til å bli en komplisert prosess: enhver endring av den nye situasjonen vil fremkalle protester fra ganske betraktelige lag av samfunnet